РАЗДЕЛ II. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы культурологического мифа в условиях современных цивилизационных вызовов и культурный суверенитет России», г. Магнитогорск, 15-18 ноября 2021 г., организованной Региональным отделением Общероссийской общественной государственной организации «Российский фонд культуры» Челябинской области, Магнитогорским металлургическим комбинатом, Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г. И. Носова

ББК 874
УДК 168

DOI 10.52172/2587-6945_2022_19_1_73

Е. В. Дегтярев[1]
Магнитогорский филиал РАНХиГС,
ул. Казакова, 11, г. Магнитогорск, Россия
filos.magnit@yandex.ru

ОПОРА НА ЗНАНИЯ О ПРОШЛОМ РАДИ БУДУЩЕГО: ОБ ОДНОМ НЕДОСТАТКЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МИФА

Исходя из культурологического мифа о том, что для обеспечения культурного суверенитета России необходимо опираться на правдивые знания о прошлом, мы обращаемся к исследованию исторической науки как важнейшего источника подобных знаний. По нашему мнению, актуальность логико-философского осмысления истории на предмет её научности не может вызывать сомнений. Дело в том, что большинство из современных межнациональных и межэтнических конфликтов (в том числе военизированных) «замешено», весьма часто, на «исторической составляющей». В связи с этим возникает вопрос о том, до какой степени можно доверять изысканиям историков? В состоянии

[1] Дегтярев Евгений Владимирович, доктор философских наук, Магнитогорский филиал РАНХиГС, профессор кафедры экономики, управления и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, г. Магнитогорск.

ли история давать гарантированно истинные научные знания о прошлом? Вообще, является ли история наукой? Именно поэтому целью нашей статьи является логико-философский анализ истории на предмет выяснения того, действительно ли она является наукой. Методологией нашего исследования стали традиционные логико-философские методы: анализ, синтез, элементы дедукции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, а также метод единства исторического и логического. Научная новизна данной статьи состоит в том, что в ней автором с логико-философских позиций обосновано то, что история наукой не является.

Ключевые слова: история, историческая наука, атрибуты науки, субъект науки, объект науки, предмет научных исследований

Введение

Важнейший культурологический миф, получивший особое распространение в нашей стране, можно сформулировать так: для обеспечения культурного суверенитета России необходимо активно опираться на правдивые знания о прошлом, это не только позволит нам сохранить наш культурный суверенитет, но и обеспечит воспитание подрастающего поколения в «нужном для страны русле». В целом в справедливости, необходимости и полезности данного мифа невозможно усомниться. Более того, как известно, «без прошлого нет будущего» и это действительно так. Это верно как в отношении общества в целом, так и для каждого отдельного этноса, государства, тех или иных социальных институтов и других общественных образований, а также применительно к каждому отдельному индивиду. Свои знания о прошлом мы черпаем из самых разных источников, таких как литература, искусство, мемуаристика, рассказы близких и не очень людей, собственных воспоминаний и т. п. При этом само собой подразумевается, что знания о прошлом, конечно же, должны носить «правдивый» или, как выражаются философы, «истинный» характер. В данном контексте особое место среди всех этих источников знаний о прошлом занимает история. Точнее «историческая наука», поскольку, по мнению большинства людей, именно она в силу собственной «научности» способна снабдить нас исключительно правдивыми, истинными, *научными* знаниями о прошлом. Подобная трактовка или понимание истории большинством членов общества и даже многими профессионалами, на наш взгляд, с философских позиций, несостоятельна, а в чем-то даже вредна. Мы полагаем, что считать историю «наукой» ошибочно.

Прежде чем перейти к обоснованию своей позиции, с тем, чтобы не «шокировать публику», отметим, что подобных или

близких к ним взглядов на историю (в той или иной мере) придерживается не только автор статьи, но и другие исследователи, такие как Ф. Р. Анкерсмит [1], Я. Бурхардт [2], В. Дильтей [13], Р. Дж. Коллингвуд [16], Т. Кун [17], П. Наторп [18], М. Оукшот [20], Г. Риккерт [21], А. Дж. Тойнби [22], П. Фейерабенд [23] и др. Более того, относительно недавно в одном из ведущих отечественных журналов в области исторического познания «Вопросы истории» вышла статья с характерным названием «Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии» [19].

Всё дело состоит в том, что отнесение исторического знания к области **науки** автоматически наделяет последнее определенными атрибутами, которые в действительности ему *не присущи* [7]. Это такие обязательные для науки атрибуты или критерии, как логичность (или как минимум, логическая непротиворечивость), объективность, соответствие фактам действительности, доказуемость, проверяемость, прогностическая (или предсказательная) компонента (мы уже не говорим о повторяемости, воспроизводимости и т. д.) [3].

Основная часть

Посмотрим, насколько «историческая наука» соответствует данным критериям. Начнем с критериев ***логичности, объективности, соответствия фактам действительности*** [9]. Несоответствие «исторической науки» данным критериям можно проследить на огромном множестве примеров из истории. Мы остановимся лишь на одном таком примере: на концепции монголо-татарского ига, якобы существовавшего на Руси. Согласно этой концепции, вышедшие из диких монгольских степей огромные орды монголов и присоединившиеся к ним иные отсталые кочевые племена смогли завоевать Русь (русские княжества) и другие развитые страны. Монголы создали самую большую за всё время существования человечества мировую империю, на обломках распада которой возникли другие государственные образования и, в частности, Золотая орда, в политическую и экономическую зависимость от которой попали русские княжества. Иго на Руси якобы просуществовало более двух столетий – с 1237 по 1480 гг. При этом «учеными историками» игнорируются не просто ***логика, объективность и соответствие фактам действительности,*** а даже элементарный здравый смысл. Игнорируются географический, экономический, технический (технологический), военный, демографический, культурно-управленческий, научно-генетический и другие факторы.

Действительно, достаточно одного взгляда на **географическую** карту, чтобы стало очевидным то, что *целенаправленный* поход огромного войска за тысячи километров с востока на запад на Русь при отсутствии путей сообщения, заселенных территорий, через горы,

буреломы, реки, непроходимые дебри – «туда, неизвестно куда», совершенно бессмысленен. Если же отказать подобному военному походу огромной армии (орды) в изначальной *целенаправленности,* [8], то он окажется ещё более бессмысленным и *алогичным*, даже с точки зрения «диких монголов»: зачем вообще идти военным походом в этом направлении [15]? С подобным же успехом им можно было отправиться на север – покорять чукчей, эвенков и белых медведей с моржами [14]. Не менее важен и **экономический** фактор: для содержания огромной армии необходима хоть сколько-нибудь развитая экономика, способная обеспечить каждого ратника всем необходимым для участия в продолжительном военном походе [12]. Столь же откровенно игнорируется и **технический** (или **технологический**) фактор [4]. Действительно, для успешного военного похода подобного масштаба, как минимум, необходимо наличие относительно развитой металлургии (для ковки сабель, изготовления наконечников стрел и копий, других металлических элементов воинского обмундирования). Однако, как известно, сколько-нибудь развитой металлургии у монголов не было [5], [7]. Попытки объяснения этого тем, что до похода на Русь монголы покорили высокоразвитые китайские и (или) среднеазиатские государства и заставили их ремесленников изготавливать металлическое оружие для своих воинов не спасает положения, а лишь смещает проблему в пространстве: как в таком случае, не имея необходимого вооружения, им удалось покорить эти высокоразвитые народы [8]? Подобное объяснение напоминает рассуждения известного мультяшного героя: «для того, чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сперва купить что-нибудь ненужное, а у нас денег нет».

Далее **военный** фактор. Где, как и с кем монгольские родовые образования овладевали военным искусством? Причем столь успешно, что в результате овладели им даже *лучше,* нежели побежденные ими народы (иначе они их просто не смогли бы завоевать). Не менее *алогичным* представляется и **демографический** фактор. Откуда вдруг в пустынных степях появились огромные орды людей (и, в частности, мужчин соответствующего возраста), там, где большого народонаселения никогда не было и быть не могло в силу суровости климата и почти полного отсутствия продовольственных ресурсов? Очевидно и то, что при кочевом образе жизни не могла появиться и сколько-нибудь большая *концентрация* людей в той или иной области бескрайних монгольских степей и пустынь. Справедливости ради, следует отметить, что мнения историков здесь разнятся: численность монгольских орд при нападении на Русь и другие страны варьируется от более чем полумиллиона до 15–20 тысяч человек. Однако ни те, ни другие цифры не спасают положения («посрамляют

логику»): слишком большим ордам неоткуда взяться, слишком малочисленным – невозможно завоевать многочисленные «покоренные народы».

Далее **культурно-управленческий** фактор. Не менее загадочной представляется и взявшаяся из ниоткуда, возникшая «чудесным образом» **управленческая культура** монголов. Где и у кого они обучились управлению самой большой в мире империей? Ведь до того максимум, кем они могли «управлять» – стадо овец или табун лошадей. (Невольно согласишься с теми, кто считает излишними специальности менеджмента в наших ВУЗах). Кроме того, как, не имея соответствующих средств связи, монголы координировали (в том числе, одновременно) действия войск, а позднее и государственных институтов на огромных пространствах Евразии от Кореи до Западной Европы [15]? Помимо того, где сколько-нибудь убедительные археологические подтверждения, в частности, где клады, обнаруженные на территории Монголии (ведь, по версии историков, была «ограблена половина мира»)? Где археологические артефакты, оставленные на полях сражений после кровавых битв, например, на поле Куликовом? (То, что обнаружено археологами, мягко выражаясь, мало убедительно).

Аналогичным образом историками игнорируется и **научно-генетический** фактор. Все сколько-нибудь значимые исследования в данной области говорят о том, что монголы генетически не на много ближе русским, чем скажем папуасы или коренные жители острова Пасхи. Хотя очевидно, что за «столетия ига» подобной генетической близости не могло не возникнуть.

Не лучше в плане «научности» истории обстоит дело и с ***критерием доказуемости.*** Обратимся в качестве доказательства к рассказам историков о строительстве пирамид. Древние египтяне якобы за три десятка километров, на другой стороне реки Нил в каменоломнях выпиливали огромные каменные блоки и доставляли их чудесным образом, не имея никакой соответствующей техники к месту строительства мегалитических сооружений. Затем они затаскивали их, не менее чудесным образом, на огромную высоту (иногда более, чем в пятидесятиэтажный дом) и аккуратно укладывали, предварительно притерев друг к другу с ювелирной точностью (шов между блоками может составлять не более миллиметра). При этом выпиливали блоки египтяне при посредстве деревянных клиньев медными (бронзовыми) полосами (пилами), а притирали их друг к другу песком, камнями и прочими подручными средствами. Причем в ряде случаев при строительстве своих сооружений египтяне использовали не только известковые, но и «гранитные» блоки, выпиленные с помощью деревянных клиньев

всё теми же медными полосами и притертые друг к другу всё с той же ювелирной точностью. Интересно, попробовал ли кто-нибудь из ученых-историков, в качестве *доказательства*, хоть раз в жизни распилить хотя бы метровый по толщине кусок гранита при помощи деревянных клиньев медной полосой? Или поднять с коллегами при помощи подручных средств на полуметровую высоту каменную глыбу весом 90000 кг. (именно таков вес самого тяжелого блока пирамиды Хеопса, установленного над входом в Камеру Царя на высоте более чем 40 метров(!)), а затем ещё и притереть её к другой подобной каменной глыбе хотя бы с сантиметровой точностью? Справедливости ради, следует отметить, что попытки доказать возможность строительства пирамид из вырубленных из известняка каменных блоков (т. е. попытки проверить теорию практикой или экспериментом) всё же предпринимались. Так, например, в 1977 году Nippon Corporation предприняла попытку построить уменьшенную копию пирамиды Хеопса высотой около 10 метров (высота прототипа около 150 метров) и основанием в 15 раз меньшим, чем у оригинала. Для этого было нанято порядка 100 рабочих-египтян, которые, по задумкам организаторов, должны были возвести мини копию пирамиды с помощью исключительно «традиционных» технологий и инструментов за один месяц. Экспериментальное доказательство японцев «почти увенчалось успехом». Её построили. Кроме некоторых нюансов. Копию удалось возвести не за месяц, а за год. Притирку блоков осуществить не получилось вовсе. Для того, чтобы пирамида смогла быть установлена в долине Гиза (т. е. там же, где установлен оригинал), пришлось предварительно залить бетонное основание, чтобы копия не завалилась. Вырубать каменные блоки пришлось с помощью отбойных молотков. Перевести блоки к месту строительства с помощью деревянных лыж и волокуш не удалось вовсе, несмотря на их относительно небольшой вес (не более трех тонн), и для этих целей пришлось использовать грузовые машины и паромы. Пирамидон (остроконечную верхушку пирамиды), весивший всего одну тонну, удалось поднять на вершину пирамиды только при помощи автокрана. В ходе строительства пришлось задействовать, помимо прочей техники, даже вертолет. Тем самым, историческая «научная» теория строительства пирамид «блестяще» провалилась, поэтому не удивительно, что, как утверждают «злые языки», руководитель проекта после его завершения сказал, что теперь мы точно знаем то, как пирамиды *не строили*.

Подобным же образом обстоят дела и с ***критерием проверяемости.*** В науке он проявляется посредством верификации или фальсификации научных теорий. *Проверка* на практике истинности или ложности исторических концепций или исторических

фактов для историков либо невозможна (чаще всего), либо не имеет значения для признания ими соответствующей исторической концепции или исторического факта истинными или ложными. Иными словами, *проверка* не ведет к фальсификации «исторической теории» в случае фальсификации (или невозможности верификации) её фактов. В данном контексте «исторические теории» ближе к религиозным верованиям, мифологическим построениям, философским концепциям или обыденным предпочтениям, а не к науке. Так, ещё в 70-е годы XX века французский химик-материаловед Жозеф Давидовиц (фр. Joseph Davidovits) доказал посредством соответствующей *проверки научными методами,* что не только блоки пирамид, но и многие другие древнеегипетские артефакты изготовлены из особого геополимерного бетона. То есть не было никаких загадочных древнеегипетских кудесников, обладавших такими сказочными технологиями по обработке камня, которыми человечество и сегодня ещё не владеет в полной мере (ювелирная подгонка гигантских гранитных блоков друг к другу; строго-вертикальная каменная резьба в твердых горных породах; амфоры из «цельных кусков» диорита, минерала тверже железа, с идеально выточенными горловинами и одинаковой толщиной идеально же отполированных изнутри и снаружи тонких стенок и т. д.). На самом деле, как убедительно доказал Ж. Давидовиц, все эти и другие подобные им «чудеса» изготовлены древними египтянами из геополимерных бетонов (в том числе, с наполнителями из гранитной или диаритовой крошки) по обычным, существовавшим в те времена технологиям (штукатурка; выдавливание в оштукатуренной поверхности изображений с помощью трафаретов; гончарный круг для изготовления амфор из «диаритовой глины» и проч.). Казалось бы, Ж. Давидовиц со своим открытием должен был быть выдвинут историками-египтологами номинантом на самые престижные научные премии и удостоен всяческих наград, а история Египта переписана соответствующим образом, согласно с вновь «открывшимися научными данными». Однако ничего подобного не произошло. Египтологи открытия попросту «не заметили». Словом, «если факты не согласуются с теорией, то тем хуже для фактов». (Вспомним Т. Куна с его «Структурой научных революций» и уходом с исторической сцены сторонников прошлой парадигмы «естественным путем», то есть лишь в результате их смерти(!)) [17]. Но почему? Конечно же, «историки тоже люди» и ничто человеческое им не чуждо [11]. «Мы написали сотни умных книг, защитили диссертации, наполнили музейные полки экспонатами с соответствующими комментариями, а теперь всё это оказалось всего лишь фантазией, выдумкой?» Конечно, профессиональному сообществу историков согласиться с этим сложно

или даже невозможно [23]. Но дело не только в этом. Ещё одна наиважнейшая причина состоит в том, что мы отстаиваем в своей статье: история *не является* наукой. Именно поэтому *критерий проверяемости* (как и другие критерии научности) к истории либо не применим вовсе, либо применим крайне избирательно. Тем самым, игнорируя выдающееся открытие Ж. Давидовица, историки, сами того не желая [11], подтверждают, что история наукой *не является.*

Наконец, у «исторической науки» напрочь отсутствует обязательная для всякой науки ***прогностическая*** (или предсказательная) компонента. Это объясняется тем, что для осуществления научных прогнозов необходимы знания о существенных, необходимых, устойчивых, повторяющихся связях, традиционно определяемых дефиницией «научные законы». Однако подобные связи (т. е. научные законы) историки выявить не в состоянии, поскольку они всегда имеют дело лишь с уникальными *единичными* явлениями прошлого, запечатленными в текстах. В силу этих же обстоятельств, тем более не приходится говорить в контексте исторического познания о таких критериях научности, как ***повторяемость*** и ***воспроизводимость***. При этом важно понимать, что это вовсе не говорит о том, что между событиями прошлого изначально отсутствовала каузальность. Конечно, это не так. Причинно-следственные связи между событиями прошлого, безусловно, существовали. Например, при желании с позиций сегодняшнего дня можно обнаружить несомненную *связь* между рождением будущего сербского националиста Гаврило Принципа, с выстрела которого в эрцгерцога Франца Фердинанда началась Первая Мировая война, и распадом Советского Союза (через Октябрьскую революцию, образование СССР, его развитие, перестройку и т. д.). Однако наличие подобной каузальной связи, которую в состоянии при желании выявить историки, вовсе не свидетельствует о её *закономерном* (что свойственно науке) характере.

По своей сути история представляет собой не науку о прошлом, а нарратив (рассказ, повествование) об определенным образом взаимосвязанных событиях прошлого (об их последовательности в прошлом во времени). Причем для того, чтобы историки признали в своем большинстве подобный нарратив «научным», необходимо, чтобы он носил традиционный или общепринятый характер. Другие нарративы о прошлом историками признаются «не научными», ошибочными и т. д. Кроме того, в силу того факта, что «историю пишут победители», нарративы, как правило, «идеологически окрашены». Прежде всего, именно поэтому (хотя и не только по данной причине), одни историки могут придерживаться одного нарратива, другие – другого, третьи – третьего. Поэтому для одних

из них «истинным» будет один рассказ о событиях прошлого, для других – другой. Отсюда и появление «историй» о великих Украх, выкопавших Черное море, первом казахском космонавте Юрии Гагарине, войне Германии с Украиной (подтверждением чего является наличие в архивах карт Украинского фронта во Второй Мировой войне), попытки во Франции времен восстановления Бурбонов «протащить» учебник, в котором утверждалось, что никакого Наполеона Бонапарта не существовало и проч.

О «ненаучности» истории свидетельствуют и особенности её ***объекта, предмета, субъекта*** и ***исследовательской деятельности*** историков. На наш взгляд, в общем виде, ***объектом истории*** (мы имеем ввиду социальную историю) является прошлое человечества во всем его многообразии, а её ***предметом*** – цепочки взаимосвязанных событий прошлого. Объект и предмет истории качественным образом отличаются от объектов и предметов любых наук. Дело в том, что все науки изучают то, что *существует,* будь то атомы, галактики, химические реакции или даже моральные нормы. История изучает прошлое, то есть то, чего *не существует,* и поэтому суждения историков в рамках их исследований некорректно ранжировать *в принципе* в категориях «истина» – «ложь» [3]. Ученый исследует изучаемые явления с помощью понятий (ну, разумеется, также и с помощью суждений и умозаключений), сопоставляя создаваемую им мысленную реальность с реальностью действительной, а потому всякий другой ученый может проверить корректность («истинность») подобного сопоставления [10]. Историк сопоставляет свою *собственную* мысленную историческую реальность со своими же *собственными* представлениями (понятиями) о ней, поэтому другой историк не в силах проверить корректность подобного сопоставления, поскольку он, в свою очередь, будет вынужден сопоставлять *свою* мысленную реальность со *своей же* мысленной реальностью. Разумеется, это не означает того, что они не могут заключить «конвенцию» и согласиться с соображениями друг друга, однако это вовсе не будет означать истинности соответствующих знаний. (Мы с коллегой можем согласиться с тем, что у жителей Юпитера есть крылья, но это не только не означает того, что последние могут летать, но даже того, что они вообще существуют).

Не лучше в плане научности обстоит дело и с ***субъектом*** исторического познания. Понятно, что *субъект* любого научного познания в определенной мере «конструирует» *объект* своего познания (в ещё большей мере это верно в отношении *предмета* научного познания). Проделывает подобную операцию и историк, и даже в значительно «больших масштабах». Но, в отличие от ученого, историк имеет дело (исследует) не реальные фрагменты

анализируемой действительности, а их «суррогаты» – *тексты* и интерпретируемые на их основании другие артефакты, например, найденные археологами. Последние историк наделяет определенным смыслом лишь на основе *интерпретации текстов,* без коих они не имеют для него соответствующего исторического смысла. Вообще, историк как субъект познания постоянно вынужден заниматься *подменой:* вместо *не существующего* прошлого он вынужден изучать *существующее* настоящее в форме текстов. Однако текст «коварен». Мало того, что он редко бывает написан непосредственным участником событий, но он ещё и представляет собой некую авторскую их *интерпретацию*. Автор же всегда «страдает» предвзятостью, субъективностью; знания его с необходимостью во многом фрагментарны; у него всегда есть собственные предпочтения; свое «видение» событий, их истолкование, «замешанное» на той или иной системе ценностей. Мы уже не говорим о таких особенностях автора текста, как возрастная категория, социальная и национальная принадлежность, увлечения, настроение, эмоциональное состояние, заинтересованность (в том числе материальная), идеологическое принуждение и проч.

Однако, пожалуй, ещё большее «коварство» текста состоит в том, что сам историк его изучающий, в свою очередь, наделен вышеперечисленными особенностями автора и, в связи с этим, сам *вынужденно* в процессе изучения *интерпретирует* исследуемый текст. И далее, в силу того что текст не один (их, как правило, большее или меньшее множество) и историк не один (аналогично), то *деятельность* историка как субъекта исторического исследования прошлого с необходимостью превращается в своеобразную бесконечную *«интерпретацию интерпретаций».* Подобная деятельность ни при каких условиях не может быть определена как *деятельность научная.* Тем самым, исходя из всего вышеизложенного, мы вправе считать, что наш исходный тезис о том, что история не является наукой можно считать в должной мере *обоснованным.*

Заключение

Какие же выводы можно сделать из установленного нами факта о том, что история не является наукой *в контексте* нашей ***конференции***?

История не наука, но от этого она не менее *ценна* для жизни общества. Более того, она, несомненно, **необходима.** На наш взгляд, историю можно охарактеризовать как «идеологию, обращенную в прошлое ради будущего». В данном контексте история является *важнейшим ценностным основанием* для формирования соответствующего ***культурологического мифа***, для воспитания подрастающего поколения, да и всего общества в целом. Она

необходима людям для того, чтобы они не превращались в «манкуртов» или «Иванов, не помнящих родства»; для того, чтобы они знали об ошибках прошлого и стремились делать всё для того, чтобы не повторить их вновь; для того, чтобы люди с уверенностью могли смотреть в будущее; для того, чтобы мобилизовывать население страны на защиту России от прямой или скрытой, в том числе «гибридной» агрессии. Мы полагаем, что, опираясь на фундамент знаний из области истории, в народных массах можно (и, весьма часто, даже необходимо) «разжигать костер» энтузиазма, ориентированного на достижение великих свершений и строительство нового, прекрасного будущего (кстати, последнее весьма успешно делалось в СССР до середины 80-х годов прошлого века, так почему бы это не взять нам на вооружение в веке нынешнем, сегодня?). Нам необходим «прагматический подход» к истории: в истории истинно то, что полезно нам, нашей державе. Кстати, именно так поступает наш восточный сосед – Китай. Если поверить китайским историкам, то окажется, что в истории все хоть сколько-нибудь значимое впервые было создано или открыто именно жителями «поднебесной». Весьма показательна в этом плане скандальная «история» с воинами «терракотовой армии» императора Цинь Шихуанди. Присланные на выставку в Германию глиняные воины были исследованы немцами и обнаружилось, что это новодел. Однако это нисколько не смутило китайских «товарищей». В ответ они заявили, что, заранее зная о «коварстве» немцев, они просто намеренно вместо оригиналов прислали копии. Вот так!

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Москва: Идея – Пресс, 2003. 360 с.

2. Бурхардт Я. Размышления о всемирной истории. Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.

3. Вильданова Г. Б., Вильданов Х. С., Дегтярев Е. В. Гносеологический анализ взаимоотношения понятий «истина» и «мудрость» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 99–105.

4. Дегтярев Е. В. Единство объекта технического знания: некоторые особенности и аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 9 (103). С. 4–8.

5. Дегтярев Е. В. К вопросу о структуре и некоторых особенностях технического знания // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. №5 (99). С. 11–16.

6. Дегтярев Е. В. Понимание в контексте неклассического и постнеклассического типов научной рациональности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 3. С. 110–114.

7. Дегтярев Е. В. Проблема техносферы в контексте воззрений В. И. Вернадского на ноосферу// Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 140–143.

8. Дегтярев Е. В., Сеничев И. В. Парадоксальность британского экспансионизма// Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 137–141.

9. Дегтярев Е. В., Дегтярева Е. Е. Базовые функции философии как фундаментальное основание метатеории образования и воспитания личности // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2021. С. 221.

10. Дегтярев Е. В., Дегтярева Е. Е. Фундаментальное и прикладное знание: философские и культурологические аспекты // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2020. С. 259.

11. Дегтярева Е. Е. Предметность психологического познания в контексте научной рациональности: опыт гносеологического анализа: дисс. … канд. фил. наук: 09.00.01. Магнитогорск, 2009. 152 с.

12. Дегтярев Е. В., Карпова Е. В. Искусство экспансионизма: специфика голландского доминирования // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2020. Т. 2. С. 260.

13. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С.135–152.

14. Карпова Е. В. К вопросу о восприятии пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 34–36.

15. Карпова Е. В. К понятию «социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. №1 (21). С. 128–131.

16. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Москва: Наука, 1980. 488 с.

17. Кун Т. Структура научных революций. Москва: АСТ, 2009. 310 с.

18. Наторп П. Об исходном пункте философии // Кантовский сборник. 2009. № 1 (29). С. 110–121.

19. Нестеренко А. Н. Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 57–67.

20.Оукшот М. Рационализм в политике. Москва: Идея-Пресс, 2002. 288 с.

21.Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 532 с.

22.Тойнби А.Дж. Постижение истории. Москва: Прогресс, 1991. 640 с.

23.Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Москва: АСТ: Хранитель, 2007. 413 с.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. Narrativnaja logika. Semanticheskij analiz jazyka istorikov. Moscow: Ideja – Press, 2003. 360 p. (In Russian)

2. Burhardt Ja. Razmyshlenija o vsemirnoj istorii. Moscow – Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. 560 p. (In Russian)

3. Vil'danova G. B., Vil'danov H. S., Degtjarev E. V. Gnoseologicheskij analiz vzaimootnoshenija ponjatij «istina» i «mudrost'» // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 33. Pp. 99–105. (In Russian)

4. Degtjarev E. V. Edinstvo ob#ekta tehnicheskogo znanija: nekotorye osobennosti i aspekty // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 9 (103). Pp. 4–8. (In Russian)

5. Degtjarev E. V. K voprosu o strukture i nekotoryh osobennostjah tehnicheskogo znanija // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №5 (99). Pp. 11–16. (In Russian)

6. Degtjarev E. V. Ponimanie v kontekste neklassicheskogo i postneklassicheskogo tipov nauchnoj racional'nosti // Intellekt. Innovacii. Investicii. 2015. № 3. Pp. 110–114. (In Russian)

7. Degtjarev E. V. Problema tehnosfery v kontekste vozzrenij V. I. Vernadskogo na noosferu// Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 29 (167). Pp. 140–143. (In Russian)

8. Degtjarev E. V., Senichev I. V. Paradoksal'nost' britanskogo jekspansionizma// Intellekt. Innovacii. Investicii. 2015. № 1. Pp. 137–141. (In Russian)

9. Degtjarev E. V., Degtjareva E. E. Bazovye funkcii filosofii kak fundamental'noe osnovanie metateorii obrazovanija i vospitanija lichnosti // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija: tezisy dokladov 79-j mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoj konferencii. Magnitogorsk: Magnitogorsk. gos. tehn. un-t im. G. I. Nosova, 2021. P. 221. (In Russian)

10. Degtjarev E. V., Degtjareva E. E. Fundamental'noe i prikladnoe znanie: filosofskie i kul'turologicheskie aspekty // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija. Tezisy dokladov 78-j

mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoj konferencii. Magnitogorsk: Magnitogorsk. gos. tehn. un-t im. G. I. Nosova, 2020. P. 259. (In Russian)

11. Degtjareva E. E. Predmetnost' psihologicheskogo poznanija v kontekste nauchnoj racional'nosti: opyt gnoseologicheskogo analiza: diss. … kand. fil. nauk: 09.00.01. Magnitogorsk, 2009. 152 p. (In Russian)

12. Degtjarev E. V., Karpova E. V. Iskusstvo jekspansionizma: specifika gollandskogo dominirovanija // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija: tezisy dokladov 78-j mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoj konferencii. Magnitogorsk: Magnitogorsk. gos. tehn. un-t im. G. I. Nosova, 2020. T. 2. P. 260. (In Russian)

13. Dil'tej V. Nabroski k kritike istoricheskogo razuma // Voprosy filosofii. 1988. № 4. Pp.135–152. (In Russian)

14. Karpova E. V. K voprosu o vosprijatii prostranstva // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 29 (167). Pp. 34–36. (In Russian)

15. Karpova E. V. K ponjatiju «sociokul'turnoe vosprijatie prostranstva v filosofsko-pravovyh predstavlenijah» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2011. №1 (21). Pp. 128–131. (In Russian)

16. Kollingvud R. Dzh. Ideja istorii. Avtobiografija. Moscow: Nauka, 1980. 488 p. (In Russian)

17. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. Moscow: AST, 2009. 310 p. (In Russian)

18. Natorp P. Ob ishodnom punkte filosofii // Kantovskij sbornik. 2009. № 1 (29). Pp. 110–121. (In Russian)

19. Nesterenko A. N. Pochemu istorija ne nauka: razmyshlenija o specifike predmeta, ob#ekta i metoda istoriografii // Voprosy istorii. 2019. № 4. Pp. 57–67. (In Russian)

20. Oukshot M. Racionalizm v politike. Moscow: Ideja-Press, 2002. 288 p. (In Russian)

21. Rikkert G. Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij: logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. 532 p. (In Russian)

22. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii. Moscow: Progress, 1991. 640 p. (In Russian)

23. Fejerabend P. Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznanija. Moscow: AST: Hranitel', 2007. 413 p. (In Russian)

RELIANCE ON KNOWLEDGE ABOUT THE PAST FOR THE SAKE OF THE FUTURE: ABOUT ONE DRAWBACK OF THE CULTURAL MYTH

Evgeny V. Degtyarev,

Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Magnitogorsk, Russia

Abstract

Proceeding from the cultural myth that in order to ensure the cultural sovereignty of Russia it is necessary to rely on truthful knowledge about the past, we turn to the study of historical science as the most important source of such knowledge. In our opinion, the relevance of the logical and philosophical understanding of history for its scientific character cannot be doubted. The fact is that most of the modern international and interethnic conflicts (including paramilitary ones) "involve", very often, the "historical component". In this regard, the question arises as to what extent one can trust the research of historians? Is history able to provide guaranteed true scientific knowledge about the past? In general, is history a science? That is why the purpose of our article is a logical and philosophical analysis of history in order to find out whether it is really a science. Traditional logical and philosophical methods have become the methodology of our research: analysis, synthesis, elements of deduction, the method of ascension from the abstract to the concrete, as well as the method of the unity of the historical and the logical. The scientific novelty of this article is that the author proves the fact that history is not a science from a logical and philosophical position.

Keywords: history, historical science, attributes of science, subject of science, object of science, subject of scientific research

Для цитирования: Дегтярев Е. В. Опора на знания о прошлом ради будущего: об одном недостатке культурологического мифа // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 73–87.

Поступила в редакцию 15.12.2021